

ВЕНЧАЛЬНЫЙ ОБРЯД В ЦАРСКОЙ СВАДЬБЕ В РОССИИ XVII ВЕКА

Венчание государя брачным венцом всегда являлось залогом утверждения царского рода на престоле, что приобретало особое значение в виду сложной политической ситуации в России в начале XVII в.

К теме царских свадеб обращались многие известные историки. К первой половине XIX в. относятся описания некоторых свадебных торжеств русских царей XVI и XVII вв., составленные И.П. Сахаровым¹ и А.В. Терещенко². И.Е. Забелин в своем труде «Быт русских цариц в XVI–XVII столетиях» уделил особое внимание личностному подходу к историческим фигурам и нравственным основаниям устройства жизни русских государей³. Н.И. Костомаров, исследуя домашнюю жизнь и обряды великорусского народа в целом⁴, особо выделял характерные черты царского свадебного чина XVI–XVII вв. Из современных исследователей В.Д. Назаров занимался вопросами сохранности и публикации свадебной документации, а также их изданием⁵. Большое внимание уделила соотношению списков книг свадебных разрядов XVI–XVII вв. М.Е. Бычкова, подробно исследовав историю свадебных дел XVI в.⁶ Существует публикация М.В. Мартыновой на английском языке о частной жизни царей в XVII в., где, в частности, рассматривается и тема царской свадьбы⁷.

С богословской точки зрения вопрос таинства венчания также достаточно широко изучен на теоретическом уровне. Классическим трудом может быть названо литургическое руководство архиепископа Вениамина, содержащее полное объяснение церковного обряда, молитв и необходимых предметов церковного обихода⁸. В своем церковно-археологическом очерке о совершении таинств в русской православной церкви выдающийся церковный историк начала XX столетия А.И. Алмазов анализирует иностранные свидетельства о таинстве брака⁹. Значимым исследованием в сфере богословия является труд П.Н. Евдокимова, осветившего религиозно-философский аспект этой темы¹⁰.

Наша задача заключается в изучении венчального обряда в царской свадьбе XVII в. на примере бракосочетаний Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Рассмотрение светской стороны свадебных торжеств опускается. Наш взгляд, исследование заданной темы в этом ракурсе поможет раскрыть малоизученную сторону царской жизни и будет способствовать более глубокому осмыслению идеи христианского благочестия русских самодержцев.

В отличие от документов XVI столетия, где «подлинные дела сохранились далеко не полностью и в большинстве своем в черновиках»¹¹, от свадебных дел XVII в. сохранилось намного больше источников. Многие из них опубликованы¹².

В круг источников нашего исследования вошел ряд архивных документов. Это описание свадеб российских царей, выписанное из архивных бумаг профессором Г.Ф. Миллером, в которых содержатся: неполный свадебный чин (ввиду утрат) Михаила Федоровича и Марии Владимировны и свадебный раз-

ряд к этой же свадьбе; полный свадебный чин Алексея Михайловича и Марии Ильиничны, а также свадебный разряд Алексея Михайловича и Натальи Нарышкиной. Из того же «портфеля» Г.Ф. Миллера был взят нереализованный свадебный чин предполагаемой свадьбы Алексея Михайловича и Евфимии Федоровны¹³. Свадебный чин Алексея Михайловича и Натальи Нарышкиной из Архива Посольского приказа восполнил отсутствие такового в «Портфелях Миллера» и публикации Новикова¹⁴. При сопоставлении документов «Портфелей...» с Древней Русской вивлиофикой Н.И. Новикова фактологической разницы в текстах выявлено не было (за исключением чина первой свадьбы Михаила Федоровича и нереализованного чина свадьбы Алексея Михайловича).

Отдельно в этом кругу стоят иностранные свидетельства, среди которых особую историческую ценность представляет «Описание путешествия в Московию» Адама Олеария. Наконец, почти традиционным стало обращение к свидетельствам чиновника Г. Котошихина. Они полны важных подробностей, хотя и не всегда точны.

Хронологические рамки исследования обусловлены спецификой XVII столетия, одной из самых значительных страниц истории Российского государства. С одной стороны, сложная социально-историческая ситуация первой трети века породила в духовно-интеллектуальной среде нации тенденции к сохранению и восстановлению разрушающихся средневековых традиций. С другой стороны, этот «последний щит Средневековья» распадается к середине века, когда русская культура переходит к качественно новому состоянию¹⁵. На фоне обобщения накопленных веками традиций происходит процесс формирования русской нации¹⁶.

И здесь важно отметить, что, несмотря на влияние инновационных тенденций на общекультурный процесс, непреходящую роль для развития русской истории продолжает играть исторически сложившаяся и сознательно позиционируемая связь с византийской православной культурной традицией. Как известно, наряду со стремлением утвердить в русском богослужении греческую обрядность, Алексей Михайлович, очевидно, хотел более точно соотнести с византийской традицией и светский церемониал. Об этом же свидетельствует и его стремление иметь у себя «Чиновник всему царскому чину прежних благочестивых греческих царей печатной»¹⁷. В Византийской империи происходило и формирование канонів брачного права, заложенных в основу Кормчих книг в России (сборников церковных и светских законов). Важные сведения по этому вопросу можно почерпнуть в книге П.Н. Евдокимова¹⁸. Для нас значимо то, что православная этика, отраженная в Кормчих книгах, легла в основу российского брачного права.

Обращаясь к вопросу венчания, следует подчеркнуть, что изначально оно не имело значения основной составляющей церковного благословения брака в православной церкви. Для ранних веков христианства достаточным фактором для заключения брака являлось согласие жениха и невесты¹⁹. К V в. совершение венчания при вступлении в христианский брак на Востоке становится явлением обычным. При этом сам венчальный обряд (обряд надевания венцов), по всей вероятности, изначально входил как обязательная часть в церковное чинопоследование только при бракосочетании византийских императоров и высокопоставленных чиновников. Сохранилось свидетельство бракосочетания императора Маврикия во дворце Дафна, проведенного патриархом. После тор-

жественного богослужения патриарх соединил руки новобрачных, повенчал их и причастил Святых Тайн. Такой порядок будет в позднейших богослужебных книгах предписан для всех христиан²⁰. В начале X в. церковное благословение брака было объявлено обязательным для всех граждан Византийской империи (89 новелла императора Льва VI Мудрого). В России же до XVII в. венчание являлось формой заключения брака преимущественно для высших слоев общества²¹. В описаниях к брачным царским венцам из «Древностей Российского государства» делается предположение о том, что наречение новобрачных князем и княгиней по совершении венчания связано именно с тем, что до определенного времени на Руси венчались только князья и бояре²².

Канонически чинопоследование брака состоит из двух действий: обручение и венчание. В чине обручения на жениха и невесту надеваются кольца (обручи), тем самым утверждая их намерение вступить в брак. В мирском требнике первой половины XVII в. отмечается, что обручение перстнями как подготовительная часть брака совершается в знамение «обручения Господу Богу церкви честной». При этом перстень у мужа должен быть золотой, а у жены — железный или серебряный²³. В свадебных чинах, доступных для нашего исследования, конкретных свидетельств употребления обручальных колец не обнаружено.

В древнехристианской церкви обряд обручения был гражданским актом, а обряд венчания — церковным. В древнейшей из сохранившихся рукописей Византийской Евхологии VIII в. венчание следует сразу за чином обручения²⁴. Однако в дальнейшем обручение стало отделяться от венчания более или менее значительным промежутком времени. Такая практика была прекращена к концу XVIII в. в связи с тем, что разрыв стовора после обручения умалял значение последнего, поэтому обручение и венчание стали совершать в одно время.

Если обратиться к «свадебному чину» XVI столетия, то из него следует, что обручение происходит не в храме, а на месте свадебных торжеств, хотя и совершается при участии священника. После обручения жениху полагалось поцеловать невесту, и сваха приступала к чесанию голов новобрачных²⁵. Подобное же понимание обряда обручения уже в XVII в. мы встречаем в интерпретации Г. Котошихина. Он говорит о том, что вечером перед днем свадьбы у царя накрывали стол, куда приглашали бояр и боярынь, также отца и мать невестиных. И перед началом трапезы царский духовник благословляет царя и царевну крестом и «велит им меж себя учинить целование; и потом бояре и боярыни царя и царевну поздравляют обручався»²⁶.

В исследуемых нами свадебных чинах обручение не выделяется в особый чин, но как бы «сопутствует» венчанию. В документах по первой свадьбе Михаила Федоровича и второй свадьбе Алексея Михайловича обручение вовсе не упоминается. Краткие замечания об этом действе мы встречаем в чине второй свадьбы Михаила Федоровича: «И Благовещенский протопоп Максим обручал Государя и Царицу и венчал их по Священному преданию»²⁷ и первой Алексея Михайловича: «А обручал и венчал в соборной церкви Государя Царя и великого Князя Алексея Михайловича... з царицею... Марию Ильиничною Благовещенский протопоп Стефан...»²⁸.

Для того чтобы получить более полное представление по интересующей нас теме, следует привлечь иностранные свидетельства, хотя и с некоторой оговоркой. Достоинство таких источников заключается в независимости от официальных влияний, позволяющей свободно выражать свои суждения, а также

отсутствии патриотизма, позволяющем судить беспристрастно²⁹. Тем не менее нельзя не указать на их недостатки. Рассматривая сообщения иностранцев, А.И. Алмазов приходит к общему выводу, что «особенно подробных сведений они не оставляют нам, что распорядок действий при браковенчании иногда представляется совершенно неверным...» и что, наконец, «многие частные известия, сообщаемые ими, вследствие ли неточности наблюдений, или других каких условий, ложны»³⁰.

В XVII в. описания венчания брака, оставленные Петреем, Олеарием и Седербергом во многом сходны между собой. Наибольшей беспристрастностью и солидностью изложения, по мнению А.И. Алмазова, отличается описание Олеария³¹.

Олеарий описывает обручение так: после того как сваха, расчесав невесту и жениха, осыпает хмелем, ячменем и овсом бояр и других мужчин, родители жениха и невесты встают и «заставляют последних обмениваться кольцами». Отсюда следует, что в своем представлении А. Олеарий солидарен с Г. Котошихиным³².

Вероятно, в России середины XVII в. в умах людей еще не сформировалось четкого понятия об обручении. Однако из свадебных чинов следует, что в храм будущие супруги шли уже обрученные, на что косвенно указывает информация о свечах. «Свечи к венчанию нес *обрученных* (курсив наш. — О. III.) стряпчий Никита Федоров сын Шушерин»³³. С уверенностью говорить об обручении как о церковном обряде можно с XVIII века после постановления Святейшего Синода в 1775 г.³⁴

Обручение служит преддверием самого венчания, получившего свое название от действия возложения брачных венцов на жениха и невесту. В процессе подготовки к царскому венчанию брака над будущей государыней проводился обряд ее царственного освящения, во время которого при прочтении молитвы наречения на нее возлагали царский девичий венец и нарекали ей новое имя. После чего грамоты с новым именем рассылались по церковным ведомствам, чтобы о здравии новореченной царицы поминали на ектениях вместе с именем государя³⁵. С тех пор вплоть до свадебного дня будущая царица проживала в совершенном отчуждении от царя, хотя уже и в царском дворце³⁶.

Возведение царевны на столь высокий уровень достоинства требовал от нее и определенного характера поведения, должного воплощать идеал женской личности. Таким идеальным образом допетровской Руси был образ постницы, иноческого благочестия в миру, чистоты и строгости нравов, явившимся следствием нравственных начал, заложенных в наш быт византийскими идеями³⁷. В своей магистерской диссертации преподаватель духовной семинарии Д.Н. Дубакин видит причины формирования такого идеального образа в следующем. Влияние христианства из Византии на русское общество начало проявляться в то время, когда уже довольно заметно проявилось различие в направлениях западной и восточной церкви. В отличие от западного христианства, которое по своей сути более сосредоточено на практическом направлении, для восточной церкви характерен созерцательный подход. По мнению исследователя, в соответствии с созерцательным направлением духовного делания в Византии широкое развитие получили безбрачие и монашество. Из монастырей исходила интенсивная проповедь об аскетизме. «Это-то именно аскетическое направление... вместе с христианством из Византии было перенесено и в Русь» и стало

определяющим в характере семейного быта русского общества³⁸. Хотя следует подчеркнуть, что жизнь самих византийских императриц не определялась такими порядками. По выражению французского археолога и византиста Шарля Диля, «немногие государства отводили женщине столько места, предоставляли ей более значительную роль и большее влияние на политику и правительство, чем Византийская империя»³⁹.

В России же осознание различия между восточным и западным направлением христианской мысли спустя столетия не только сохранилось, но и окрепло. Иностранцы в своих заметках о русских свадебных традициях с негодованием будут отмечать: «однако ж ни который брак не ставится в счет новообращенному в русскую веру, хотя бы раз десять женат был в латинстве, кроме того супружества, в которое вступил в московской вере, потому что латинские браки москвитяне называют наложничеством, а не супружеством»⁴⁰.

Для совершения таинства брака необходимо участие священника. По Кормчей книге, священником должен быть приходской священник жениха или невесты. Он же составляет и метрику о браке. Венчание царского брака XVII в., как правило, совершал протопоп Благовещенского собора, духовник царя. Однако общий состав церковных иерархов, задействованных в церемониях, был намного шире.

Про обе свадьбы Михаила Федоровича нам известно то, что «венчал государя духовник его государев благовещенский протопоп Максим»⁴¹. Кроме него благословлял союз ближайший родственник царя — его отец, о чем косвенно свидетельствует обращение к царю боярина Ивана Никитича: «Великий государь царь... Михаил Федорович... по благословию отца твоего великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича... изволил... сочетатися законному браку...»⁴². Благословение у патриарха царь традиционно брал до совершения венчания брака вне зависимости от родственных связей. Так, Алексей Михайлович за день до своей свадьбы с Марией Ильиничной «в субботу генваря в “15” с вечеру в седьмых часе дня великий государь царь... пошел в соборную и апостольскую церковь Пречистыя Богородицы... Успения и благословяся у святейшего Иосифа патриарха...»⁴³.

Само таинство венчания на первой свадьбе Алексея Михайловича совершал благовещенский протопоп Стефан⁴⁴, а на второй — «государев благовещенский протопоп Андрей Савинович»⁴⁵. Однако в приготовлениях к венчанию был также задействован рождественский протопоп. Он сопровождал шествие царевны в Грановитую палату: «А за ними пред царевною Рождественский протопоп Андреян и кропил путь святой водой»⁴⁶. В самой Грановитой палате он же кроплением воды освящал чертожное место, на котором будут восседать царь с царевной⁴⁷. Иногда, как, например, в случае со вторым браком Алексея Михайловича, это был просто «Рождественскаго собора сверху священник Микита»⁴⁸.

На второй свадьбе Михаила Федоровича путь царевны оберегал благовещенский поп Иван Наседка⁴⁹. Сам же Государь, готовясь к шествию в Грановитую палату, благословился крестом у благовещенского протопопа, а путь перед ним «кропил Святою водою крестовый недельный поп» (воскресный)⁵⁰.

Очевидно, таинство венчания всех четырех браков совершалось в Успенском соборе Московского Кремля. Из разряда первой свадьбы Михаила Федоровича: «А венчался государь у Пречистыя Богородицы в соборе»⁵¹; из чина второй свадьбы Михаила Федоровича: «А после того царь и великий князь и

1. Шествие свадебной процессии в Успенский собор. Миниатюра из рукописи «Описание в лицах свадьбы царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной в 1626 г.». Л. 23. Россия, вторая половина XVIII в. ОРПГФ Музеев Московского Кремля

царевна Евдокия пошли к венчанию, к Успению Пресвятыя Богородицы в соборную церковь...»⁵² (ил. 1); из разряда второй свадьбы Алексея Михайловича: «А венчался великий государь з государынею царицею в соборной и апостольской церкви Успения Пресвятыя Богородицы...»⁵³. Из чина первой свадьбы Алексея Михайловича мы даже узнаем, через какой вход проходили в храм, а именно через южный портал. «А приехав к соборной церкви Пресвятой Богородицы государь царь... и государыня царевна... шли... в церковь в сторонние в крайние двери что от Архангела...»⁵⁴.

По православному канону, венчание совершается посередине храма, напротив Царских врат. «Для сего иерей вводит имеющих венчаться на средину храма при многих свидетелях, как чад церкви, и поставляет их пред алтарем и Св. дверями, как пред лицом Божиим»⁵⁵. Из свадебного чина царя Михаила Федоровича 1624 г.: «...А вшед в церковь Государь станет на правой стороне у столпа у Патриарша места по леву столпа а государыня станет у государя на левой стороне места а с свечами и с коровай станут у другого столпа налево»⁵⁶. Из свадебного чина царя Алексея Михайловича 1648 г.: «А вшед в церковь царь и великий князь и царевна стали против Царских дверей, а со свечами стали на праве против Па-

2. Венчание в Успенском соборе. Миниатюра из рукописи «Описание в лицах свадьбы царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной в 1626 г.». Л. 41

триарша места...»⁵⁷ Такое положение царской четы в храме, по-видимому, было характерно для всех четырех исследуемых нами бракосочетаний (ил. 2).

Что касается времени совершения таинства венчания, то по канону оно не может совершаться во время поста, накануне постных дней и определенных праздников⁵⁸. Из тех письменных источников, которые содержат указание конкретного дня, мы можем сделать вывод, что цари предпочитали воскресный день для своего торжества. Так, например, «...а радость его государская была в неделе генваря в 16 день» (о свадьбе Алексея Михайловича в 1648 г.)⁵⁹; «И февраля в 5 день, в неделю, государь царь и великий князь Михаил Федорович... говорил... день радости нашае ныне...»⁶⁰. Из нереализованного чина, разработанного для сочетания браком Алексея Михайловича с Евфимией Федоровной, мы также узнаем, что свадьба намечалась на воскресенье: «...а радости его государской бытии февраля в “14” в неделю»⁶¹.

Время венчания в православной традиции ассоциируется с серединой дня. Например, в «Новой Скрижали» (толковании о литургии и всех службах архиепископа Вениамина) указано: «совершается в церкви по Божественной литургии»⁶². Конкретный пример можно привести из свадьбы Алексея Михайловича с Марией Ильиничной: «Да как приятье время в «5» часу дня великий государь...

Алексей Михайлович... пришел из своих хором в Золотую среднюю полату нарядившись в козух золотой на соболях...»⁶³. Значит, царь, уже находясь в парадном одеянии, посылает весть к царевне, что ей пришло время идти в Грановитую палату, где официально начнутся свадебные торжества⁶⁴. Вероятно, исходя из этих данных, историк Н.И. Костомаров делает вывод о том, что «если на царских свадьбах XVI века венчание действительно происходило после обедни, то в XVII веке вечером»⁶⁵. В действительности же древнее часомерие, в рамки которого вписывается и XVII в., не соответствует современному и имеет другое исчисление. В древности использовали систему «косых» часов, механизм которых «необходимо было постоянно сверять и корректировать с восходом и заходом солнца... На широте Москвы самый длинный день летом и самая длинная ночь зимой достигали 17 часов. Поэтому на циферблате старинных московских часов было 17, а не 12 делений, как сейчас»⁶⁶. Длина часа также отличалась от современной. Проведя ряд подсчетов, мы выяснили, что тогда она составляла 48 современных минут. Значит 5 часов старинного времени соответствовали 4 часам современного. Нам известно, что свадьба Алексея Михайловича и Марии Ильиничны состоялась 16 января (по старому стилю), когда длительность дня равнялась 9 часам (средневековые часы в сутках). Учитывая то, что венчание совершалось в 5 часов, а восход в тот день происходил приблизительно в 9.30, мы должны к 9.30 прибавить 4 часа. Получаем приблизительно 13.30, то есть время после поздней обедни.

В нереализованном чине свадьбы Алексея Михайловича мы видим, что речь шла о ранней обедне, поскольку царь еще должен был получить благословение и поклониться святыням. После службы царь подходил за благословением к патриарху⁶⁷. Получив благословение, государь отправлялся на поклонение святыням кремлевских церквей и монастырей. «А после того, пойдет государь молиться в Чудов монастырь к Архистратигу Михайлу и к чудотворцу Алексию да к Вознесению Христову и ко Пречистой Богородице в монастырь»⁶⁸. Это хождение обставлялось чинно, с эскортом. «А за ним государем ехати бояром и околыничим и думным людем и дворяном»⁶⁹. После этого царь возвращался в свои хоромы, и начинал облачаться для свадьбы⁷⁰.

Интересно, что для свадьбы Алексея Михайловича с Марией Ильиничной царь уже брал благословение и ходил на поклонение за день до свадьбы, то есть, в случае с первым бракосочетанием, в субботу «генваря в 15 с вечеру в седьмх часе дня...»⁷¹. Однако порядок действий в точности соблюдался. «А назавтрее того генваря в “16”...» изволил сочетаться браком.

Традиционно сложившееся восприятие образа невесты связано с наличием фаты-покрывала. Покрытие женской головы во время венчания есть символ девственности, скромности и подчиненности. Так же как головные покрывала монахинь означают их посвящение себя в «невесты Христовы», покрывала христианских невест могут символизировать одухотворенность супружеского союза⁷². Однако на Востоке замужние женщины носили покрывало постоянно, поэтому в чине венчания покров заменяется венцом. Венцы говорят о царственной свободе супругов, начальников нового рода, равных во взаимной самоотдаче. Брачный венец появляется во второй половине III в. и к IV в. входит во всеобщее употребление у христиан⁷³.

Рассмотрим, какие головные уборы использовались для царских свадеб. Перед тем как идти венчаться в храм, на царевну надевали покрывало, кину и

убрус. Когда все гости и сам царь собирались в Грановитой палате, священник прочитывал «Отче наш», а потом молитву покровения главы. «И посидев мало говорить протопопу Стефану молитву покровения глав»⁷⁴. Из того же свадебного чина, подготовленного для несостоявшегося венчания Алексея Михайловича с Евфимией Федоровной, следует: «да как Государю и Государыне головы зачешут и на Государыню кичу и покров положат и покроют убрусом. А убрусец будет низан жемчугом с дробницами золотыми»⁷⁵.

Известно, что такой же порядок соблюдался и в других свадебных церемониях. Перед венчанием Евдокии Лукьяновны Стрешневой с царем Михаилом Федоровичем «как государыне голову зачесали и на государыню кичу и покров положили, и покрыли убрусом...». То же и перед венчанием Марии Ильиничны Милославской с царем Алексеем Михайловичем⁷⁶. В церкви же невесту раскрывали, чтобы совершить сам обряд венчания. «...и протопоп устроясь во одеяние церковное, начнет их венчати по чину, и в то время царевну открывают; и возлагает на них протопоп венцы церковные...»⁷⁷. В ризнице Московского Успенского собора сохранились древние (судя по стилистическим особенностям, XVII в.) брачные венцы: мужской и женский, серебряные позолоченные. Такие венцы при венчании возлагались на царей и цариц. На одном из них вырезан «Деисус», а на другом — «Знамение Богородицы», Богоотцы Иоаким и Анна⁷⁸. Венцы символизируют союз Христа с Церковью, при этом жених уподобляется Христу, а невеста — Богоматери.

У Адама Олеария брачный венец описан следующим образом: «Венец делается из тонко кованного листового золота, или серебра, подбивается материей, и по сторонам около ушей, где венец несколько загибается книзу, привешиваются к нему 4, 6 и более ниток крупного жемчуга, которые ниспадают на грудь»⁷⁹. Описание Олеария соответствует коронам византийских императоров (какую, например, мы можем увидеть на вотивной мозаике VI в., изображающей императрицу Феодору)⁸⁰, но не соответствует описанным чуть выше сохранившимся венецам XVII в., рисунок с которых был также сделан академиком Ф.Г. Солнцевым.

Кроме брачных венцов, для подготовки и совершения таинства венчания в рассматриваемых нами царских свадьбах были также задействованы венец девичий (используемый в обряде царственного освящения будущей государыни), покрывало, убрус и кика (надеваемые при прочтении «молитвы покровения глав» в Грановитой палате). Убрус белого цвета считался символом чистоты в свадебном наряде царской невесты XVII в. Относительно белого цвета платья, до XIX в. он не ассоциировался со свадебным торжеством⁸¹. Для царских особ это, скорее всего, была золотая парча, а для простого народа традиционными являлись ткани красного цвета, который оставался актуальным в крестьянском быту до XX в.

Значение белого цвета платья невесты связано с восприятием на протяжении всей истории замужества как образования союза между двумя семьями, а не только двумя индивидами. Семья невесты должна была гарантировать девственность и чистоту последней, что представляло честь их рода. Белое платье невесты воспринималось как символ этой чистоты⁸². По свидетельству иностранца Корба: «По назначении приданого, родители невесты составляют, так сказать, письменный веновный договор, который заключает в себе их или родственников невесты поручительство в целомудрии невесты; такое ручательство

дает повод к весьма многим раздорам в том случае, если будущий супруг возымеет малейшее сомнение в девственности невесты»⁸³.

Что касается платья царской невесты, то во всех свадебных чинах оно обозначено без указания цвета. «...Велел государыню царевну Марью Ильиничну нарядити по своему государскому чину.. в платье и в венец золотой с городы с камнем и с жемчугом...»⁸⁴ Таким же образом характеризуется и одеяние Евдокии Стрешневой⁸⁵. По всей очевидности, платье невесты в XVII в. должно было быть новым, искусно исполненным из дорогих материалов. Иностранцы так характеризуют платье невесты: «рядом с ним усаживается закутанная невеста в великолепных одеждах... ее верхнее платье спереди, сверху вниз, и вокруг рукавов... густо обсажены крупным жемчугом; такое платье стоит гораздо больше тысячи талеров»⁸⁶.

Сам же царь традиционно облачался в парадные одежды, как, например, на первой свадьбе Алексея Михайловича: «Алексей Михайлович... нарядився в кожух золотой аргамятной на соболях да в шубу русскую соболью крыта бархатом золотным да в шапку бархатную черную лисью а пояс был на государе кованный золотой...»⁸⁷. Исключением является вторая свадьба того же царя. Из свадебного разряда: «А венчался государь... в служивом платье в фerezее в белой суконной на соболях»⁸⁸.

Дело в том, что здесь затрагивается вопрос сугубого благочестия Алексея Михайловича, который намеренно упростил торжественность венчания второго брака (1671). Известно, что по канону на второбрачных уже не возлагаются венцы, хотя брак благословляется церковью. По свидетельству иностранного наблюдателя, «если они вдовец и вдова, то венцы кладутся не на голову, а на плечи...»⁸⁹. С одной стороны, церковь не ставит второго брака в грех, с другой стороны, налагает епитимью, и подает прощение после определенного времени покаянной молитвы и поста. Мы знаем об этом как из 51 правила Номоканона, так и из 7 правила Неокесарийского собора, приведенного в Кормчей книге⁹⁰. И, несмотря на то что и Михаил Федорович, и Алексей Михайлович заключали вторые браки по причине смерти первой супруги, по всей видимости, это не лишало их осознания несовершенства происходящего. По мнению иностранных наблюдателей, «русские весьма неблагоприятно смотрели как на второй, так и на третий брак»⁹¹.

Рассмотрим, как в связи с этим повел себя Алексей Михайлович. Выход на моление в Успенский собор и на благословение к патриарху за день до свадьбы был совершенно лишен торжественности и совершен как бы тайно. «И великий государь царь... Алексей Михайлович изволил идти тайно в соборную и апостольскую церковь Пречистыя Богородицы честнаго и славного Ея Успения для моления, а против прежних чинов к Святейшему патриарху особого выхода для благословения не было для того что Великий Государь изволил приитить тайно...»⁹² Также важно отметить, что литургию перед церемонией в Успенском соборе царь и царица слушали по отдельности в домовых храмах дворца: Алексей Михайлович в церкви Преподобной Евдокии, а Наталья Кирилловна в церкви великомученицы Екатерины⁹³. В Успенский собор на само благословение брака шли не чинно, а, напротив, внутренними дворцовыми переходами: «в соборную церковь благословиться ко святому супружеству и изволи итить переходами...»⁹⁴ Наконец, количество присутствующих было также ограничено. «Кроме того, что писано выше сего, никого чиновных людей не было, по-

тому изволи Великий Государь для благословения святого супружества итить переходами з ближними людьми»⁹⁵.

Для венчания брака традиционно употребляются свечи как знамение супружеской любви⁹⁶. В Древнем Риме во время свадебных процессий использовали факелы, которые действительно служили для освещения улиц, поскольку такие процессии, как правило, проводились в темное время суток. Позднее, в христианской традиции, браки стали совершать в храмах перед лицом Бога, чье присутствие символизировала одна зажженная свеча. Именно от нее возжигались свечи брачующихся, что напоминало о том, что источником взаимной супружеской любви служит бесконечная Божественная любовь⁹⁷.

Основных свечей в царском венчальном обряде было три: две обручальные и Богоявленная, от которой их возжигали. Обручальные свечи еще называли «пудовыми», поскольку они действительно весили по несколько пудов: «А свечи изготовили, государеву свечу в два пуда, царевнину в полтора пуда»⁹⁸. Интересно отметить, что в первый раз эти свечи, по всей вероятности, зажигались до храма, а именно в Грановитой палате во время действия «покровения глав» (рассмотрено нами выше). Между женихом и невестой протягивали большой кусок тафты, которую держали свечники, и сваха начинала «чесать и крутить» невесту. В это время горели свадебные свечи, зажженные от Богоявленной⁹⁹ (ил. 3).

Кроме больших «государевой» и «государыниной» свечей использовали и обычные две свечи, которые при совершении таинства венчания брачующиеся должны были держать в руках. Рассмотрим для примера список свечников к свадьбе Михаила Федоровича с Марией Владимировной: «Свечники государеву свечу несли к месту и к церкви Михайло Олфериев да Василий Стрешнев. Государынину свечу несли Василий Олфериев да Иван Петров сын Чихачев... с Богоявленной свечой Василий Кузьмин сын Безобразов. Свечи к венчанию нес обрученных стряпчий Никита Федоров сын Шушерин...»¹⁰⁰ Из вышесказанного следует, что в традиции царской свадьбы было больше, чем сегодня. Это объясняется тем, что до конца XVII в. обручение совершалось вне стен храма (в Грановитой палате), и для его совершения заготавливали отдельную пару свечей. В современной практике название «пудовые» сохранилось для свадебных свечей, но их вес уже, как правило, не превышает 1 кг.

По завершении венчального обряда обручальные свечи возвращались во дворец и три дня стояли у брачного ложа, после чего относились в церковь. «А свечи и коровай нести к постеле да поставить свечи... у постели в головах... а обручей с них не снимать все три дни и свечи обе соскати вместе и да поставити в церкви»¹⁰¹.

Знаменем соединения двух брачующихся в единое целое в венчальном обряде служит общая чаша. Обряд подавать общую чашу новобрачным свойствен не только восточной традиции, но когда-то был и у римлян. Виргилий Полидор (1 кн. Гл. 4) свидетельствует, что «в Британии и у других народов производилось нечто подобное сему обыкновению»¹⁰². Начиная с классических константинопольских Евхологиев XI–XII вв. и заканчивая дониконовскими печатными требниками, в тексте чина указывается на то, что общая чаша должна быть стеклянной, супруги вкушают от чаши трижды по очереди, и после испития супругами вина ее необходимо разбить¹⁰³.

Обращаясь к свидетельствам современников, мы узнаем, что так было не всегда. На венчании Михаила Федоровича с Марией Владимировной полага-

3. Пудовые свечи. Миниатюра из рукописи
«Описание в лицах свадьбы царя Михаила
Федоровича с Евдокией Лукьяновной в 1626 г.». Л. 56

лось еще поступить именно так. «А вино держать в склянице боярину Данилу Ивановичу Мезецкому и венчав протопоп дает вино пити Царю и Великому князю и его Царице... царь и Великий Князь выпив вино ударит скляницу о землю да и ногой потопчат от Государя, а иному никому не велит топтати»¹⁰⁴.

В уже упомянутом очерке А.И. Алмазов приводит по этому поводу свидетельство англичанина XVI в.: «Затем они пьют вино, сперва невеста, потом жених, который тотчас же бросает чашу на пол и спешит тотчас же наступить на нее, то же делает и невеста, и кто из них первый наступит, того победа, и то навсегда будет господином (обыкновенно это удается жениху: ему удобнее наступить на чашу, которую он сам бросает)»¹⁰⁵. Следует отметить, что сам Алмазов характеризует это свидетельство следующим образом: «Самая ранняя попытка описания бракосочетаний... к сожалению ее далеко нельзя назвать удачною»¹⁰⁶. Навряд ли можно предположить, что между царем и его супругой решался, пусть и формально, вопрос о главенстве в семье. Существует другое мнение иностранного наблюдателя, уже упоминаемого нами Олеария, который видит причину топтания сосуда в следующем: «Тут жених бросает пустую рюмку об пол, разбивает ее и топчет кусочки ея ногами, вместе с невестою с следующими словами: да расточатся так, и да потребятся так нашими ногами все те, которые

вознамерятся возбудить вражду и ненависть между нами». Петрей и Седерберг воспринимали этот обряд таким же образом¹⁰⁷. Исследователь середины XIX в. М. Морощкин выражает мнение, что «обычай разбивать сосуд с красным вином при бракосочетании заимствован русскими от греков и служил символом того, что в телесном и духовном единении супругов никто другой не должен иметь участия»¹⁰⁸.

Однако уже при втором бракосочетании Михаила Федоровича в 1626 г. царь, допив вино из скляницы, велел протопопу взять ее в алтарь¹⁰⁹. То же самое происходило на венчании Алексея Михайловича с Марией Ильичной: «...после венчания поднес протопоп вина пить к царю и великому князю а после того Царице переменяв по трижды да опять государю и выпив Царь и Великий Князь велел скляницу взять в алтарь протопопу Стефану»¹¹⁰. То, что цари могли позволить себе поступать по-разному, свидетельствует о том, что обычай разбивания сосуда не имел догматического характера. Вероятно, он восходит к ветхозаветному свадебному обряду, когда раввин подносил жениху и невесте чашу с вином, а после ее испития жених разбивал чашу о стену, если женился на девице, и о землю — если на вдове. Смысл этого действия, напоминающего о разрушении Иерусалима, потерял в христианском контексте актуальность, поэтому цари поступали с чашей по своему усмотрению.

Собственно чин венчания заканчивается общей чашей. Символически вкушение общей чаши рассматривалось как начало брачного пира¹¹¹. Поэтому после преподнесения общей чаши в греческих и славянских рукописях и дониконовских русских изданиях священнику предписывается поздравить молодых словами апостола Павла¹¹². Так, например, после венчания Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной новобрачных посадили у левого клироса у столба, «поучал их Государей Благовещенский протопоп Максим, по Священному Преданию»¹¹³. А Алексея Михайловича с Марией Ильичной поучал на том же месте благовещенский протопоп Стефан¹¹⁴.

В христианском осмыслении супружеская чета после заключения брака становится, по выражению апостола Павла, «домашней церковью» (Рим. 16, 4). Поэтому неудивительно, что по завершении свадебных торжеств особое внимание уделялось благочестивым делам. Уже на четвертый день по совершении брака царь слал весть патриарху, чтобы тот вместе с высшим духовенством мог прийти и поздравить его и царицу. Сначала патриарх благословлял государя, потом отдельно государыню (уже в ее Царицыной палате) и желал им «благородного потомства в наследие рода». После чего подносились дары¹¹⁵. Несколько дней царь кормил простое духовенство на дворе, раздавал милостыню, совершал паломничества по монастырям¹¹⁶.

Но совершенно очевидно, что царская свадьба или «царская радость»¹¹⁷ имела особое значение не только для узкого круга, но и для всего государства. Поэтому посредством церковных связей, а именно государевых и патриарших грамот, рассылаемых по всем епархиям, «весь православный люд» должен был быть осведомлен о происшедшем и приобщен к молению о царской чете в местных церквях. «...да во всю свою архиепископию к архимандритом и к игуменом и в соборы к протопопам разослал бы вся богомолец наш грамоты от себя нарочно а велел потомуж о нас и о нашея царице... о нашем многолетнем здравии Бога молити...»¹¹⁸ А для того чтобы не было разногласий в том, какое конкретно моление должно было совершаться, патриарх вслед за царем высы-

лал отдельную грамоту от своего лица¹¹⁹. Кроме соборной молитвы от каждой епархии к царю с дарами посылали священников. Сам же царь также делал богатые вклады в монастыри.

Среди различных пожертвований наше внимание привлек вклад Алексея Михайловича в Саввино-Сторожевский монастырь. Речь идет о Евангелии, вложенном в соборную церковь Рождества Богородицы 30 ноября 1649 г. Интересным здесь является тот факт, что, по мнению исследователей, «по композиции и характеру декора данный памятник повторяет знаменитый оклад Евангелия 1571 г., вложенного царем Иваном IV Грозным в Благовещенский собор Московского Кремля. По его образцу был создан и оклад на Евангелие, пожертвованное царем Михаилом Федоровичем в Троице-Сергиев монастырь»¹²⁰. Как нам известно, Евангелие 1571 г. было также связано с царской свадьбой. Обращение к известному образцу отражает не только политическое, но и культурное, духовное наследование Романовыми традиций предшествующей династии.

Итак, мы попытались рассмотреть венчальный обряд в царской свадьбе XVII в. через выделение и анализ основных его составляющих. Подводя общие итоги, следует сказать, что церковная церемония во всех четырех исследуемых царских свадьбах проходила в Успенском соборе Московского Кремля. Таинство венчания совершали протопопы Благовещенского собора — духовники царей. Венчальный обряд совершался по церковным канонам своего времени, отраженным в Кормчих книгах, которые, незначительно меняясь на протяжении времени, догматически оставались в русле традиции. На границе XVI—XVII вв. возникает окончательно устоявшийся текст венчания (до этого греческие и славянские рукописи содержали разные версии чинопоследования), поэтому церковная реформа середины XVII в. не изменила свадебный чин в своей основе¹²¹. Церемониал свадебного торжества был наделен особой торжественностью и величественностью, что подобало царским особам. В первое время по окончании свадебных торжеств особое внимание в жизни царской семьи уделялось духовным трудам и делам милосердия.

¹ Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. Тула, 2000. С. 355–392.

² Терещенко А.В. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 2. С. 59–77.

³ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI—XVII столетиях. Новосибирск, 1992. С. 80–140.

⁴ Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. С. 205–229.

⁵ Назаров В.Д. Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 110–116.

⁶ Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 104–139.

⁷ Martinova M.V. Private life of the tsars in the seventeenth century // Treasures of the tsars. London, 1995.

⁸ Вениамин, архиепископ. Новая Скрижаль, или Объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных Вениамина, Архиепископа Нижегородского и Арзамасского. СПб., 1908. С. 396–405 (1-е изд. — 1803) (далее: Новая Скрижаль)...

⁹ Алмазов А.И. Сообщения западных иностранцев XVI—XVII вв. о совершении таинств в русской церкви (церковно-археологический очерк). Казань, 1900. С. 50–73.

¹⁰ Речь идет об известном на Западе православном религиозном писателе, богослове «парижской школы» русской эмиграции, докторе философии и богословия Павле Николаевиче Евдокимове (1901–1970). Книга «Таинство любви», на которую мы будем ссылаться в нашем исследовании, впервые вышла в Париже в 1944 г. В ней отдельно исследуется как таинство брака в византийском обряде и каноническом праве, так и богословские аспекты таинства венчания в целом *Евдокимов П.Н.* Таинство любви. М., 2008. (С. 208–313).

¹¹ Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 105.

¹² Прежде всего речь идет о публикации двух свадебных чинов и двух свадебных разрядов Новикова (1790) и «Описание в лицах...» (свадебный чин Михаила Федоровича с Евдокией Стрешне-

вой) Бекетова (1810). Свадебный чин Михаила Федоровича с Е. Стрешневой был также опубликован в СГПД. Там же были напечатаны государева и патриаршая грамоты о брачном союзе Михаила Федоровича с Марией Владимировной (см.: СГПД, М., 1819. Ч. 3. № 67. С. 270–273).

¹³ Коронация и свадьбы царя Михаила Федоровича, на 46 листах и четвертках; Коронация и свадьбы царя Алексея Михайловича, на 72 листах и четвертках. — РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Д. 5–6.

¹⁴ Чиновный список свадьбы царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной. — РГАДА. Ф. 135. Отд. 4. Рубр. II. № 28.

¹⁵ Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI–XVII века. М., 1992. С. 451–452.

¹⁶ Сахаров А.М. Россия и ее культура в XVII столетии // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. С. 24.

¹⁷ Цит. по: Мартынова М.В. Регалии царя Алексея Михайловича. М., 2004. С. 5–6.

¹⁸ Евдокимов П.Н. Таинство любви. С. 307–308 (во второй половине XI в. Номоканон («уставное правило», пер. с греч.) был переведен для болгарской церкви и затем распространен на Руси. Церковный собор 1274 г. в качестве официального собрания канонов принимает «Кормчую книгу». Сообразясь с историческими изменениями форм церковной жизни, каноны (в отличие от догматов) также подлежат изменениям. Поэтому и Кормчие книги на Руси подвергались неоднократно пересмотру. В 1650 г. была издана в типографии так называемая Иосифовская Кормчая книга, а в 1653 г. Никоновская (по имени патриархов), которая с тех пор в своей основе остается официальным кодексом).

¹⁹ Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 351.

²⁰ Желтов М.С. Венчание брака // ПЭ. М., 2004. Т. 7. С. 662.

²¹ См. примеч. 19.

²² Древности Российского Государства, изданные по высочайшему повелению. М., 1849. Отд. 1. С. 61.

²³ Там же.

²⁴ Желтов М.С. Венчание брака. С. 663.

²⁵ Чин свадебный // ПЛДР. М., 1985. Т. 10: Середина XVI в. С. 185.

²⁶ Царевной называли будущую царицу после наречения невестой и до бракосочетания (см.: Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859. С. 8).

²⁷ Свадьба вторая царя и великого князя Михаила Федоровича // Древняя российская вивлиофика. М., 1790. Ч. 13. С. 164.

²⁸ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 6. Л. 34 об.

²⁹ И.С. Библиографические листки. Иностранцы о России в XVII в. // Старые годы: Ежемесячник для любителей искусства и старины. СПб., 1909. Июль – сентябрь. С. 470.

³⁰ Алмазов А.И. Сообщения западных иностранцев XVI–XVII вв. о совершении таинств в русской церкви. С. 69.

³¹ Там же. С. 63.

³² Там же. С. 64.

³³ Свадебный разряд первой свадьбы Михаила Федоровича. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 5. Л. 3.

³⁴ Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., [1913]. Т. 1. С. 398.

³⁵ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI–XVII столетиях. С. 111.

³⁶ Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. С. 213.

³⁷ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI–XVII столетиях. С. 83.

³⁸ См. об этом: Дубакин Д. О влиянии Византии на семейный быт русского общества // Христианское чтение. СПб., 1881. Ч. 1. С. 359–362.

³⁹ Диль Ш. Византийские портреты. М., 2011. С. 28.

⁴⁰ Алмазов А.И. Сообщения западных иностранцев XVI–XVII вв. о совершении таинств в русской церкви. С. 53.

⁴¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 5. Л. 1.

⁴² Там же. Л. 38 об.

⁴³ Там же. Ч. 6. Л. 24.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 5. Л. 34 об.

⁴⁵ Там же. Л. 49.

⁴⁶ Там же. Л. 27.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 49.

- ⁴⁹ Свадьба вторая царя и великого князя Михаила Федоровича. С. 152.
- ⁵⁰ Там же. С. 155.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 5. Л. 1.
- ⁵² Свадьба вторая царя и великого князя Михаила Федоровича. С. 158.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 6. Л. 49.
- ⁵⁴ Там же. Л. 33 об.
- ⁵⁵ *Вениамин, архиепископ*. Новая Скрижаль... С. 400.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 5. Л. 36.
- ⁵⁷ Там же. Ч. 6. Л. 34 об.
- ⁵⁸ Христианство. Энциклопедический словарь. С. 351.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 6. Л. 20.
- ⁶⁰ Свадьба вторая царя и великого князя Михаила Федоровича. С. 146.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 6. Л. 52.
- ⁶² *Вениамин, архиепископ*. Новая Скрижаль... С. 396.
- ⁶³ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 6. Л. 25 об., 26.
- ⁶⁴ Там же. Л. 26.
- ⁶⁵ *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. С. 223.
- ⁶⁶ *Симонов Р.А.* Косой, дневной, ночной час // Русская речь. 1993. № 4. С. 70.
- ⁶⁷ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 6. Л. 53 об.
- ⁶⁸ Там же. Л. 54 об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 55.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же. Л. 24.
- ⁷² *Chesser B. Jo.* Analysis of wedding rituals: an attempt to make weddings more meaningful // Family Relations. Vol. 29. N 2 (Apr., 1980). P. 207.
- ⁷³ *Евдокимов П.Н.* Тайнство любви. С. 244.
- ⁷⁴ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 6. Л. 60.
- ⁷⁵ Там же. Л. 60 об.
- ⁷⁶ Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, Павла Савvaitова. СПб., 1896. С. 153.
- ⁷⁷ *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 2-е. С. 11.
- ⁷⁸ Древности Российского Государства, изданные по высочайшему повелению. С. 60.
- ⁷⁹ *Алмазов А.И.* Сообщения западных иностранцев XVI–XVII вв. о совершении таинств в русской церкви. С. 59.
- ⁸⁰ *Диль Ш.* Византийские портреты. М., 2011. С. 86.
- ⁸¹ Принято считать, что впервые платье этого цвета на свою свадьбу надела Мэри, королева Шотландии. Это было личное предпочтение королевы, поскольку в монархической среде Франции XVI в. белый цвет оставался цветом печали, траура. Персональный выбор королевы не стал традицией вплоть до 1840 г. В этом году королева Виктория, выходя замуж за принца Альберта, ввела моду на белый в свадебных нарядах. Официальный портрет королевской четы был опубликован и получил широкое распространение, а белое свадебное платье стало восприниматься как хороший тон.
- ⁸² *Chesser B. Jo.* Analysis of wedding rituals: an attempt to make weddings more meaningful. P. 207.
- ⁸³ *Алмазов А.И.* Сообщения западных иностранцев XVI–XVII вв. о совершении таинств в русской церкви. С. 56.
- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 6. Л. 25.
- ⁸⁵ Свадьба вторая царя и великого князя Михаила Федоровича С. 147.
- ⁸⁶ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 348.
- ⁸⁷ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 6. Л. 25 об.
- ⁸⁸ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 6. Л. 49.
- ⁸⁹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. С. 349.
- ⁹⁰ *Вениамин, архиепископ*. Новая Скрижаль... С. 404.
- ⁹¹ *Алмазов А.И.* Сообщения западных иностранцев XVI–XVII вв. о совершении таинств в русской церкви. С. 52.
- ⁹² Чиновный список свадьбы царя Алексея Михайловича с Наталией Кирилловной Нарышкиной. — РГАДА. Ф. 135. Отд. 4. Рубр. II. № 28. Л. 20.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Там же.

- ⁹⁵ РГАДА. Ф. 135. Отд. 4. Рубр. II. № 28. Л. 25.
- ⁹⁶ *Вениамин, архиепископ*. Новая Скрижаль... С. 397.
- ⁹⁷ *Chesser V. Jo.* Analysis of wedding rituals: an attempt to make weddings more meaningful. P. 204–209.
- ⁹⁸ Свадьба первая царя и великого князя Алексея Михайловича // Древняя российская вивлиофика. М., 1790. 4. 13. С. 183.
- ⁹⁹ *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. С. 220.
- ¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 199. Порт. 138. Оп. 1. Ч. 5. Л. 3.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 37.
- ¹⁰² *Вениамин, архиепископ*. Новая Скрижаль... С. 401.
- ¹⁰³ *Желтов М.С.* Венчание брака. С. 666.
- ¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 6. Л. 36 об.
- ¹⁰⁵ *Алмазов А.И.* Сообщения западных иностранцев XVI–XVII вв. о совершении таинств в русской церкви. С. 62.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 61.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 65.
- ¹⁰⁸ *Морошкин М.* Свадебные обряды Древней Руси // Сын Отечества. Журнал истории, политики, словесности, наук и художеств. 1848. Кн. 2, февр. С. 64.
- ¹⁰⁹ Свадьба вторая царя и великого князя Михаила Федоровича С. 164.
- ¹¹⁰ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 5. Л. 34 об.
- ¹¹¹ *Желтов М.С.* Венчание брака. С. 663.
- ¹¹² Там же. С. 667.
- ¹¹³ Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 году, февраля 5, при бракосочетании Г.Ц. и В.К. Михаила Федоровича с Г.Ц. Евдокиєю Лукьяновною из рода Стрешневых. М., 1810. С. 86.
- ¹¹⁴ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 138. Ч. 6. Л. 34 об.
- ¹¹⁵ Свадьба первая царя и великого князя Алексея Михайловича // Древняя российская вивлиофика. С. 224–227.
- ¹¹⁶ *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. С. 229.
- ¹¹⁷ Интересно отметить, что в словаре новогреческого языка слово «χαρά» имеет два перевода: 1) радость, 2) свадьба (*Сальнова А.В.* Новогреческо-русский. Русско-новогреческий словарь. М., 1997. С. 276). В древнегреческо-русском словаре это же слово «χαρά» имеет односложное значение; радость, восторг (*Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958). Возможно, расширение смысла произошло в имперский период и было заимствовано в Россию.
- ¹¹⁸ Грамота о брачном сочтении царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой. — РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Порт. 133. Ч. 3. Д. 199. Л. 48.
- ¹¹⁹ См. об этом: Там же. Л. 48 об.
- ¹²⁰ *Рогожкина Е.И.* Царские вклады в Звенигородский Саввино-Сторожевский монастырь // Саввинские чтения. Звенигород, 2007. С. 52.
- ¹²¹ *Желтов М.С.* Венчание брака. С. 663.